

ПЕРЕПИСКА Л. Н. ТОЛСТОГО И А. И. ГЕРЦЕНА КАК КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Геронимус Е. М.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
(Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений Л. Н. Толстого и А. И. Герцена. В работе приводится краткий обзор предшествующих публикаций по обозначенной теме, прослеживаются все этапы личного и творческого диалога двух писателей. В задачи статьи входят изучение взаимоотношений Толстого и Герцена как до их личной встречи, так и после на основе их переписки; расшифровка и комментирование сохранившихся писем Толстого в Лондон за март-апрель 1861 года; устранение ошибок и «темных мест» в эпистолярном наследии. Письма Герцена изучены по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Автором статьи проясняются многие аспекты взаимоотношений корреспондентов, делается акцент на идейных и социально-политических взглядах двух писателей, показываются точки их соприкосновения и непримиримые разногласия. Отдельное внимание уделяется взглядам Герцена и Толстого на ситуацию в России, крестьянскому вопросу, их видению будущего страны. Отмечается роль Герцена в эволюции художественного гения Толстого. В статье даются подробные комментарии к некоторым фрагментам сохранившихся писем, которые до настоящего исследования оставались без пояснений, предлагаются различные варианты их трактовки, проясняются важные исторические факты.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; А. И. Герцен; переписка; письма; комментарии; заграничное путешествие; манифест; Лондон; И. С. Тургенев

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661>.

Для цитирования: Геронимус, Е. М. Переписка Л. Н. Толстого и А. И. Герцена как кульминационная точка их взаимоотношений / Е. М. Геронимус. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 130–139.

THE CORRESPONDENCE BETWEEN L. N. TOLSTOY AND A. I. HERZEN AS THE CULMINATION POINT OF THEIR RELATIONSHIP

Evgenija M. Geronimus

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Abstract. The article analyzes the relationship between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen. The paper presents a brief overview of previous publications on the topic and traces all stages of the personal and creative dialogue between the two writers. The aims of the article are to study the relationship between Tolstoy and Herzen both before their personal meeting and after on the basis of their correspondence; to decode and comment on Tolstoy's surviving letters to London for March-April 1861; and to eliminate errors and "blank spaces" in the epistolary heritage. Herzen's letters were studied from archival sources, which are stored in the Russian State Archive of Literature and Art. The author of the article clarifies many aspects of the correspondents' relationship, focuses on the ideological and socio-political views of the two writers, and shows their points of contact and irreconcilable differences. Special attention is paid to the views of Herzen and Tolstoy on the situation in Russia, the peasant question, and their vision of the country's future. The role of Herzen in the evolution of Tolstoy's artistic genius is noted. The article provides detailed comments on some fragments of the letters that have remained without explanation until this study, offers various variants of their interpretation, and clarifies important historical facts.

Keywords: L. N. Tolstoy; A. I. Herzen; correspondence; letters; comments; travel abroad; manifesto; London; I. S. Turgenyev

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s", <https://rscf.ru/project/23-28-00661>.

For citation: Geronimus, E. M. (2023). The Correspondence between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen as the Culmination Point of Their Relationship. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 130–139.

Введение

Как личные, так и литературные взаимоотношения Л. Н. Толстого и А. И. Герцена очень необычны. На сегодняшний день существует ряд работ, освещающих эту проблему с разных ракурсов. Интерес к ней появился в начале XX века, когда Толстой был жив, а наследие Герцена еще не было опубликовано в полном объеме. Литературоведы, критики и публицисты того времени, получив возможность не только читать произведения знаменитого изгнанника, находившиеся под строжайшим запретом, но и писать о нем, стали отмечать различного рода сходства между своим известным современником (Л. Н. Толстым) и лондонским эмигрантом (А. И. Герценом).

Историк русской литературы В. Е. Чехин, писавший под псевдонимом Ч. Ветринский, в 1908 году выпустил монографию, посвященную жизни и творчеству Герцена, в которой он сопоставил двух писателей, отметив их типологическое сходство: «Совпадение с мыслителем наших дней тут до того полно, точно Л. Толстой только развивает мысль, брошенную Герценом» [Ветринский 1908: 141]; «И донныне смелый скептицизм Герцена не превзойден ни одним русским писателем, только Лев Толстой идет рядом с ним, подрывая самые глубокие основы традиции и отживающего социального строя» [Ветринский 1908: 217]. Вслед за Чехиным в своей книге

1911 г. «В мире идей и образов» В. П. Кранихфельд также отметил преемственность двух писателей: «Многими сторонами своей литературной деятельности Герцен как бы явился предтечей Толстого, во многом он определил последнего» [Кранихфельд 1911: 224].

Однако начало прошлого века лишь обозначает проблему взаимовлияния Толстого и Герцена, убедительно показывая близость обоих деятелей русской культуры. обстоятельного пояснения этой идейной и творческой переклички дано еще не было. Неслучайно П. А. Сергеенко, автор мемуарного очерка «Толстой и Герцен», в котором вспоминаются беседы с Толстым о «Полярной звезде», в 1911 году писал: «Такой огромности факт, как отношение между Толстым и Герценом – этими орлами русской мысли – все еще находится во мраке неизвестности... И чем были Герцен и Толстой относительно друг для друга: "братьями", "чужаками" или даже "противниками"? В сущности, это до сих пор не выяснено надлежащим образом» [Сергеенко 1911: 5].

Лишь спустя двадцать лет эти два имени вновь встали рядом. В 1928 году, к столетию со дня рождения Толстого, вышла книга Н. Н. Арденса (псевдоним – Н. Н. Апостолов) «Лев Толстой и его спутники», в которой автор посвятил отдельную главу изучению взаимоотношений писателей на основе тогда еще не опубликованного эпистолярного и дневникового

материала. Немаловажным событием стала серьезная работа Н. Н. Гусева «Герцен и Толстой», появившаяся в герценовском томе «Литературного наследства» (т. 41–42) в 1941 году. Основанная на архивных материалах работа открыла множество новых сведений в изучении проблемы взаимоотношений Герцена и Толстого. Более того, Гусев впервые изучил и опубликовал сохранившиеся письма Толстого к лондонскому эмигранту, а также проанализировал все пометы и замечания, сделанные Толстым на страницах сочинений Герцена.

Бесспорно, этот труд Гусева является одним из основополагающих в исследуемой нами теме. Однако в нем, несмотря на всю авторитетность, комментируются лишь отдельные эпизоды взаимодействия Толстого и Герцена. И в настоящее время переписка литераторов прокомментирована не полностью – в нашей статье восполняется этот пробел.

Еще один серьезный труд, посвященный Герцену и Толстому, – книга С. А. Розановой «Толстой и Герцен», вышедшая в 1972 году. Исследовательница предлагает анализ всех этапов взаимоотношений двух писателей. В книге подробно описываются личные свидетельства, оставленные мыслителями по отношению друг к другу, показываются перекички между художественными произведениями авторов. Однако для этой важной научной работы характерны «особенности» и недостатки эпохи, в которую она была создана: роль социалистической революции в книге настолько велика, что порой закрывает основной предмет исследования.

Современные литературоведы почти не обращаются к рассматриваемой нами проблеме, несмотря на то, что она продолжает оставаться не до конца изученной. Нередко взаимоотношения Толстого и Герцена рассматриваются под каким-то одним специфическим углом зрения [Маслин 2012; Сливичкая 2007; Цирулев 2015]. В задачи данной статьи входят изучение взаимоотношений Толстого и Герцена как до их личной встречи, так и после на основе их переписки; расшифровка и комментирование сохранившихся писем Толстого в Лондон за март–апрель 1861 года; устранение ошибок и «темных мест» в эпистолярном наследии. В работе используются биографический, сравнительно-истори-

ческий и герменевтический методы. Ссылки на письма Герцена приводятся по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Заочное знакомство Герцена и Толстого

Центром нашего исследования является переписка Толстого и Герцена за март–апрель 1861 года. Она становится в некотором смысле «кульминационной точкой» во взаимоотношениях двух писателей, поскольку завязывается после их встречи, состоявшейся в Лондоне в марте 1861 года. Заочное знакомство Толстого и Герцена началось намного раньше.

По приезде в ноябре 1855 года в Петербург Толстой, уже будучи автором принесших ему известность «Детства», «Отрочества» и «Севастопольских рассказов», попал в круг литераторов журнала «Современник». Молодой писатель косвенно оказался под герценовским влиянием: его друзей и соратников. Несомненно, основную роль в этом знакомстве сыграл И. С. Тургенев, который, судя по всему, уже вскоре (в декабре 1855 года) представил Толстого Н. П. Огареву, ненадолго приехавшему в Россию. Мы делаем этот вывод из письма, написанного Тургеневым П. В. Анненкову от 9 (21) декабря 1855 года, в котором он пишет: «Вообразите: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л. Н. Т.) <...> Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек – хоть он за дикую ревность и упорство буйволообразное получил от меня название Троглодит. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое. <...> Между прочим. Огарев здесь...» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 73].

Более того, не стоит забывать, что Тургенев сам находился в непосредственной дружбе с Герценом, с ним он жил в феврале 1848 года в Париже. Тургенева и Герцена связывала постоянная дружеская переписка. В письме от 29 октября (10 ноября) 1856 г. Тургенев писал: «Я и в России не скрывал, что знаю и люблю тебя, тем более могу я теперь смело сознаться в этом перед кем бы то ни было» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 135]. Думается, что и перед Толстым Тургенев вполне мог не раз выражать свои чувства по отношению к старому

приятелю, тем самым зарождая в молодом соратнике интерес к Герцену.

Однако сын Толстого, С. Л. Толстой, в своей книге «Очерки былого» отметил, что в «начале 1850-х годов отец был предубежден против Герцена» [Толстой С. 1975: 113]. Несмотря на это «предубеждение», связанное с несопадениями в политических воззрениях, Толстой с большим одобрением отзывался о литературной деятельности Герцена, о чем свидетельствует помета в дневнике от 4 ноября 1856 года: «Дочел “П[олярную] з[везду]”. Очень хорошо» [Толстой 1928–1958, т. 47: 98]. А уже в январе 1857 года Толстой предпринял первое заграничное путешествие, одной из целей которого был визит к Герцену. Это становится понятным из двух записей, сделанных Толстым примерно в одно время. 3 февраля 1857 года он отметил в дневнике: «Вспомнил постыдную нерешительность насчет бумаг к [Герцену], к[оторые] принес мне присланный по письму Колбасина Касаткин. Я сказал об этом Чичерину, и он как будто презирал меня» [Толстой 1928–1958, т. 47: 113]. С. А. Розанова убедительно прокомментировала эту запись, указав, что В. И. Касаткин, негласный корреспондент Герцена, за несколько дней до отъезда Толстого из России пришел к нему с рекомендательным письмом от Д. Я. Колбасина и просил передать для Герцена бумаги – материалы, предназначенные для «Голосов из России». Однако Толстой побоялся брать их. Чуть позже, 24 марта (5 апреля), Толстой написал Колбасину в письме: «Мне ужасно совестно и досадно, любезный Дмитрий Яковлевич, за то, что я, не зная таможенных порядков, побоялся исполнить ваше поручение» [Толстой 1928–1958, т. 60: 1949]. Обе цитаты свидетельствуют, что желание посетить лондонского изгнанника у Толстого было. Об этом же говорит и переписка Тургенева с Герценом, которую они вели в феврале 1857 года, когда Толстой пребывал в Париже и тесно общался с Тургеневым. В письме к Герцену от 16 (28) февраля находим такие строки: «Толстой тоже будет в Англии; ты его полюбишь, я надеюсь, и он тебя» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 194]. Герцен ответил Тургеневу 2 марта: «Очень, очень рад буду познакомиться с Толстым. Поклонись ему от меня, как от искреннего почитателя его таланта. Я читал его “Детство”, не

зная, кто писал, и читал с восхищением, но второго отдела не читал вовсе, нет ли у него. Если ему понравились мои “Записки”, то я вам здесь прочту выпущенную главу о Вятке и главу о Грановском и Кетчере» [Герцен 1962, т. 26: 77]. Отвечая на это письмо, Тургенев не только снова подтвердил желание Толстого посетить Герцена, но и отметил уже тогда ярко выраженную разнонаправленность политических взглядов двух писателей: «Толстому я передал твой привет; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красивый)» [Тургенев 1987, т. 3: 197].

Позднее в письме к Тургеневу от 11 августа Герцен вновь упомянет имя автора «Детства» в контексте ожидаемой встречи: «Жду Толстого и тебя» [Герцен 1962, т. 26: 111]. Однако в эту заграничную поездку Толстой так и не посетил Лондон. Но несмотря лишь на заочное знакомство Толстого с Герценом, оба писателя испытывали большой интерес друг к другу.

Первая встреча и переписка двух знаменитых современников

2 июля 1860 года Толстой отправился в свое второе заграничное путешествие, в котором ему уже удалось навестить знаменитого эмигранта. Как пишет Гусев, «Толстой приехал в Лондон, вероятно, 2 марта 1861 г. (нов.ст.)» [Гусев 1941: 492], а уже в письме Герцена к Тургеневу от 7 марта мы встречаем такие строки: «Толстой – короткий знакомый; мы уж и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек; даже Лиза Огарева его полюбила и называет “Левстой”. Что же больше? Только зачем он не думает, а все как под Севастополем, берет храбростью, натиском» [Герцен 1963, т. 27: 139]. К сожалению, Толстой во время своего визита в Лондон не вел дневник, а потому сведения об этой поездке почти не сохранились. Но спустя сорок лет, в 1904 году, Толстой будет вспоминать свое пребывание в Лондоне такими словами: «С Герценом я видался в бытность в Лондоне <...> почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные. Записанного, кажется, ничего нет, впрочем, посмотрю в дневниках» [Толстой 1956, т. 75: 71]. Из переписки Толстого и Герцена становится очевидно, что разгово-

ры они вели в основном о внутривластном состоянии России, что не удивительно, так как это был период реформаторской деятельности Александра II, которая коренным образом изменила жизнь страны.

Толстой покинул Лондон 17 марта и отправился в Брюссель. Оттуда он написал свое первое письмо А. И. Герцену от 20 марта, которое производит несколько сумбурное впечатление. Толстой будто о многом недоговаривает. Н. Н. Гусев считал, что «все письмо написано под обаянием сильной, даровитой, родственной Толстому личности Герцена» [Гусев 1957: 404]. Здесь мы не можем согласиться с ученым в том, что Герцен для Толстого стал «родственной личностью». В первой фразе письма: «Чувствую потребность написать вам словечко, хотя, собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович...» [РГАЛИ: л. 1] – обнаруживается, с одной стороны, уважение, испытываемое Толстым по отношению к автору «Былого и дум», а с другой – некоторая холодность между ними, ведь сказать «собственно нечего». Толстой продолжает: «Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что несмотря на то, что вы всё искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям...» [РГАЛИ: л. 1]. И именно это замечание, на наш взгляд, становится разгадкой в понимании дистанции, на которой они находились по отношению друг к другу. Думается, речь идет о политических разногласиях Толстого и Герцена. Толстой, действительно, не находился на том «конце» политической мысли, который представляли собой революционные демократы, в частности сам Герцен. Однако в 1861 году Толстой не был приверженцем и другой политической крайности – либеральной идеологии, яркими представителями которой были Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин. Так, с Б. Н. Чичериным, который в 1857 г. был очень близок Толстому, они постепенно разошлись в разные стороны [Андреева 2023: 75–78].

В мемуарах Н. А. Тучковой-Огаревой, жены Н. П. Огарева, также содержится свидетельство о существовании разногласий между Толстым и Герценом, которые выражались в форме жарких дискуссий: «Когда мы вошли, граф Толстой о чем-то горячо спорил с Тургеневым. Огарев и Герцен тоже принимали уча-

стие в этом разговоре <...> Он (Толстой. – Е. Г.) часто имел горячие споры с Тургеневым, в которых они говорили друг другу весьма неприятные вещи» [Тучкова-Огарева 1929: 296]. Н. Н. Гусев небезосновательно отмечает, что эти воспоминания не совсем точны: «Споры с Тургеневым в доме Герцена у него быть не могло, так как Тургенева в Лондоне в то время не было» [Гусев 1941: 493]. Вероятно, речь все же идет о спорах с Герценом. Много лет спустя Толстой так объяснял причины «оврага», образовавшегося между ним и Герценом: «На мне были тогда надеты шоры, и я видел только то, чем увлекался тогда» [Русанов 1937: 166–167]. Но сказать, что Толстой был «глух» к происходившим социально-политическим изменениям, тоже нельзя. Толстой не видел выхода в революционно-освободительном переустройстве народной жизни, для него основным путем к обновлению страны было просвещение народа, чем он активно в эти годы и занимался. Ведь даже вторая заграничная поездка была устроена с целью изучения школьной европейской системы. Отсюда и последующая в письме фраза: «Дай-то бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Все возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы» [РГАЛИ: л. 1–1 об.]. Политические взгляды Герцена предполагали благоприятное развитие реформы Александра II по освобождению крестьян, Толстой же смотрел на нее с большой долей скептицизма.

В первом письме есть еще одно место, которое представляет для нас интерес: «Тесье милый человек, но как он невозможно льстит в глаза. Я пробыл с ним долго, но не знаю его, такого он напустил лъстивого дыму-чаду, что ничего разобрать нельзя...» [РГАЛИ: л. 1 об.]. Сиприен Мари Тесье дю Мотте – французский революционер-эмигрант, химик, близкий друг Герцена. Давая ему такую характеристику, Толстой, как нам кажется, опять выражает свою политическую позицию, но уже имплицитно. Дружба Герцена и Тесье завязалась не столько из-за схожести судеб (что, конечно, немаловажно), сколько из-за сходства политических и жизненных взглядов, которые Толстому, как мы уже пытались описать выше, были не близки. Толстой таким образом пытается показать всю иллюзорность и пустоту

герценовских «заблуждений». Ему кажется, что такие люди могут навести лишь путаницу и хаос, а не построить нечто твердое и основательное.

В отечественном литературоведении Тесье именовали Мари Эдмон Тесье дю Мотте, что представляет собой ошибку, которая и по сей день «кочует» из одного издания в другое. Настоящее имя Тесье дю Мотте – Сиприен Мари, среднее имя – Эдмон – является неподлинным. Такая ошибка закралась, видимо, в связи с тем, что Герцен, писавший о нем много в «Былом и думах», ни разу не упомянул его полное имя, обозначая своего знакомого лишь одной фамилией. В то время как рядом с ней часто соседствует имя другого приятеля Герцена, которого звали Эдмон: «Тесье и Edmond» переехали ко мне» [Герцен 1956, т. 10: 303].

Сближения и разночтения во взглядах Герцена и Толстого

К сожалению, ответные письма Герцена на послания Толстого не сохранились. Но можно предположить, что в первом ответном письме Герцен продолжил обсуждение будущего России. Во втором послании Толстого, датированном 26 марта 1861 года, есть такие слова: «Вы говорите, что я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на нее со своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть, в 25-м году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого» [РГАЛИ: л. зоб. – л. 4]. Эта цитата подтверждает, что спор между двумя мыслителями продолжался. Увлеченность корреспондентов и отстаивание ими своих позиций ощущаются при чтении писем. Однако Толстой находит и точки соприкосновения: в главном они с Герценом едины; обновление России – это их общее дело. Однако пути различны. Как уже говорилось выше, для Толстого «ясное знание» – это знание, что под «варварским патриархатом», затопившим Россию, еще сохранилось то неизвращенное, чистое крестьянское сознание, которое благодаря его народному

просветительству способно воскресить свой духовный потенциал, активно воздействующий на процесс истории. И именно в этом Толстой стал апологетом направления, против которого открыто выступал Герцен. Для лондонского революционера-демократа основным путем к «освобождению» России было решительное изменение всей структуры общества с опорой на революционное воспитание народа, который, как показывают современные исследователи, существовал в до-революционной России в удручающем положении, в обстановке невежества и часто полного недоверия к образованию и медицине [Христенко, Красовская 2019].

Более того, Толстой отмечал, что их с Герценом занимают одни проблемы, которые напрямую не всегда связаны с социально-политической повесткой, но решения их они видят по-разному. Так, Толстой пишет: «Ваша статья об Овене, увьи! слишком, слишком близка моему сердцу. Правда – quand même [однако. – Е. Г.], что в наше время возможно только для жителя Сатурна, слетевшего на землю, или русского человека. Много есть людей, и русских 99/100, к [оторые] от страха не поверят вашей мысли (и в скобках буде сказано, что им весьма удобно, благодаря слишком легкому тону вашей статьи. Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям). Эти люди, т. е. не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, т. е. к тому, что такой результат показывает, что путь был не верен. И вы немного даете право им сказать это – тем, что на место разбитых кумиров ставите самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите. На место огромных надежд бессмертия, вечного совершенствования, исторических законов и т. п., этот узор ничто – пуговка на месте колосса. Так лучше бы было не давать им этого права. Ничего на место. – Ничего, исключая той силы, которая свалила колоссов» [РГАЛИ: л. 3 – л. зоб.]. Приведенный фрагмент письма свидетельствует о разном видении Толстым и Герценом как творческого процесса, так и смысла человеческой жизни.

Говоря об эстетическом разночтении, Толстой отмечает, что суть, то есть проблема статьи Герцена, ему близка и понятна, но тут же критикует ее за способ выражения: «в слиш-

ком легком тоне» обвиняется автор статьи «Об Оуэне»; не соответствует серьезное содержание статьи форме изложения. Для Толстого это принципиальный момент в вопросе выбора формы своих произведений. Ему близок и обличительный пафос этой статьи, направленный против западноевропейского буржуазного строя, но Толстой в корне не согласен с герценовской установкой, будто «человек живет не для совершения судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для (как ни дурно это слово) для настоящего...» [Герцен 1957, т. 11: 249].

Далее в письме Толстой отмечает: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. – Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний» [РГАЛИ: л. 4]. Речь здесь идет о манифесте об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г., которым Толстой был в целом недоволен, он считал его мало разделяющим надежды и нужды именно крестьянства. Позиция Герцена, как уже можно догадаться, отличалась: в № 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. Герцен опубликовал свою восторженную статью «Манифест!», в которой он приветствовал Александра II «именем освободителя» [Герцен 1958, т. 15: 52].

Несмотря на все вышеперечисленные разногласия во многих сферах жизни, есть нечто общее, что объединяет Герцена и Толстого и не дает им разойтись полностью, – это литература, художественное творчество. Толстой с большим уважением и почтением относился к создаваемым Герценом и Огаревым печатным изданиям. Более того, именно с Герценом Толстой делится своим замыслом по созданию нового романа: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист» [РГАЛИ: л. 4–л. 40б.]. Герцен, в свою очередь, не оставлял без внимания творчество младшего соратника по перу. Становится очевидным, что во втором своем ответном письме Герцен всерьез оценивает замысел Толстого, так как в последнем сохранившемся письме

последнего в Лондон есть строки: «За слишком лестное мнение о мне не благодарю. Оно вредно» [РГАЛИ: л. 50б.].

Толстой не окончил этот роман. Однако именно работа над ним стала своего рода «подготовкой» к написанию «Войны и мира». Известно, что в двенадцатом варианте начала «Декабристов» есть такое описание Пьера: «Тем, кто знали князя Петра Кирилловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-х годах, когда Петр Кириллыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно было бы вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание» [Толстой 1936, т. 17: 472]. Отрывок этот свидетельствует о непосредственной преемственности между романом-эпопеей и начатым в 1860 году произведением о декабристе, политическую и духовную жизнь которого Толстой и хотел раскрыть в своем романе: «Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгой и несколько идеальной взгляд к новой России» [РГАЛИ: л. 40б.].

Более того, немецкая исследовательница Lina Steiner в статье «Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace"» небезосновательно отмечает, что Герцен оказал большое влияние не только на личные взгляды Толстого, но и на его художественные произведения: «Rather than seeking political liberty as such, this character transformed into a seeker after wisdom and freedom understood in much more spiritual and metaphysical terms, and the plot followed him. This transformation corresponds to Tolstoy's own work on defining his intellectual identity as he began working on War and Peace. In their sense, Tolstoy's first large-scale prose work became a genuine novel of education for him as an author and thinker. We can plot the changes in Tolstoy by referring to certain events in his life, most notably his visit to London in 1861, when he clearly fell under the spell of Herzen's charismatic personality, Yet, over the decade of the 1860s,

he gradually distanced himself from Herzen and his ideas»¹ [Steiner 2009: 425].

Комментируя последнее письмо Толстого к Герцену, посланное им в Лондон 9 апреля из Франкфурта, мы остановимся на нескольких, на наш взгляд, важных моментах. Толстой начинает послание с упоминания Тургенева, вместе с которым они должны были отправиться из Брюсселя в Лондон на устраиваемый Герценом в честь освобождения крестьян пир. Однако приезд не состоялся по причине болезни И. С. Тургенева. Толстой пишет так: «Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю кашля и наклеенной мушки, над которой я не могу смеяться, ибо сам в то время был оклеен мушками» [РГАЛИ: л. 5]. Здесь стоит уточнить, что незадолго до этого 10 (22) марта Толстой получил от Тургенева письмо со словами: «Скажу Вам без обиняков, любезный Толстой, что Ваше письмо меня очень обрадовало, в нем выразилось окончание тех, если не неприязненных, то по крайней мере холодных отношений, которые существовали между нами» [Тургенев 1987, т. 4: 302]. Письмо, о котором пишет Тургенев, не сохранилось. Однако из приведенной фразы становится понятно, что отношения между Толстым и Тургеневым были не всегда ровными: упомянутые Толстым в письме к Герцену шпанские мушки, которыми Тургенев лечил себя от кашля, можно воспринимать как определенный маркер. Все знали об особенностях такого лечения. Рассказывать о нем, тем более третьему лицу, было не принято. Более того, Толстой с Герценом все-таки не был в близких дружеских связях, что еще раз свидетельствует о том, что говорить о таких подробностях было довольно смело. Бесспорно, Толстой смягчает тон, иронично подмечая, что «сам в то время был ими оклеен». Однако замечание Толстого о лечении Тургенева можно понимать не только как объяснение причины отмены визита, но и как некий

жест в сторону друга, с которым отношения порой достигали уровня «неприятных».

Также стоит обратить внимание на конец анализируемого письма: «Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они, верно, знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это “господа” делают» [РГАЛИ: л. 50б. – л. 6]. Толстой будто бы вновь и вновь хочет доказать Герцену бессмысленность возлагаемых им надежд на царскую реформу. Он пытается это делать ненавязчиво, формулируя свои мысли в виде вопроса, а затем самостоятельно давая на него ответ. Стоит заметить, что через некоторое время Герцен действительно разочаруется в правлении Александра II и его освободительной реформе. Поворотными моментами для него станут вести о расстреле мирной манифестации в Варшаве 8 апреля и бездненской расправе.

Письма Толстого говорят о том, что обмен мнений в Лондоне касался самых разнообразных тем, сюжетов, которые поднимались обоими собеседниками на уровень значимых проблем времени. К большому сожалению, ответные письма Герцена Толстому не сохранились. На наш взгляд, Гусев справедливо полагает, что это произошло в связи с тем, что Толстой побоялся их привозить в Россию. Но, несмотря на отсутствие полной переписки, создается ясная картина ярких, порой непростых взаимоотношений двух мыслителей. Впоследствии Толстой больше никогда не встречался с лондонским изгнанником, но творческий и интеллектуальный диалог между ними сохранялся и продолжал развиваться. Март-апрель 1861 года стал для Герцена

¹ «Вместо того, чтобы искать политическую свободу как таковую, этот персонаж (Петр Лабазов – Е. Г.) превратился в искателя мудрости и свободы, понимаемых в гораздо более духовных и метафизических терминах, и сюжет следовал за ним. Эта трансформация соответствует собственной работе Толстого по определению своей интеллектуальной идентичности, когда он начал работать над «Войной и миром». В этом смысле первое крупное прозаическое произведение Толстого стало для него настоящим романом воспитания как автора и мыслителя. Мы можем проследить изменения в жизни Толстого, ссылаясь на некоторые события его жизни, особенно на его визит в Лондон в 1861 году, когда он явно попал под обаяние харизматичной личности Герцена и его идей» (перевод с англ. мой – Е. Г.).

и Толстого самым насыщенным отрезком в отношениях друг с другом. Несмотря на все противостояния и разночтения, Толстой и Герцен относились друг к другу с глубоким уважением. Непримиемые разногласия по поводу ряда вопросов не смогли разорвать обоюдный интерес писателей друг к другу. Неслучайно фотографические карточки, посланные Герценом вместе с первым ответным письмом в Брюссель, Толстой сохранил до конца своих дней.

Подводя итоги работы, отметим, что нами впервые представлен обзор научной литературы за последние сто лет по проблеме взаимоотношений Толстого и Герцена, которая до сих пор остается актуальной и во многом проясняется в нашем исследовании. В статье подробно изучено литературное окружение Толстого и Герцена, основательно изучен контекст их переписки, творческие и личные связи знаменитых современников, которые влияли на формирование и эволюцию их взглядов. В работе выстроены и выверены

этапы взаимоотношений Толстого и Герцена: заочное знакомство двух мыслителей, их переписка, происходившая в кульминационный момент взаимодействия, последующие краткие упоминания друг о друге с учетом полученного в результате общения опыта. Особенное внимание уделено нами анализу и комментированию сохранившихся писем Толстого к Герцену, включающих открытую полемику по вопросам социально-политической жизни страны и эстетических идеалов писателей. Внимательное и скрупулезное изучение архивных материалов – рукописных источников (писем Толстого к Герцену, письма Герцена не сохранились) – позволило сделать важные наблюдения за логикой развития мысли обоих писателей, коммуникативными стратегиями Толстого, показать, что, несмотря на разногласия во многих сферах жизни, художественное творчество объединяло Толстого и Герцена, не давало им разойтись полностью.

ИСТОЧНИКИ

- Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : Академия наук СССР, 1954–1966.
 Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 2197. – Оп. 1. – Ед. хр. 277. – Кол-во листов 6.
 Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1928–1958.
 Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978–2014.
 Тучкова-Огарева, Н. А. Воспоминания / Н. А. Тучкова-Огарева. – Ленинград : Academia, 1929. – 544 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева, В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина / В. Г. Андреева // Два века русской классики. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>.
 Арденс, Н. Н. Лев Толстой и его спутники / Н. Н. Арденс. – М. : Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. – 259 с.
 Ветринский, Ч. Герцен / Ч. Ветринский. – СПб. : Тип. СПб. Т-ва Печ. и Изд. дела «Труд», 1908. – 532 с.
 Гусев, Н. Н. Герцен и Толстой / Н. Н. Гусев // Литературное наследство. Т. 41–42. – М. : Акад. наук, 1941. – С. 490–525.
 Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой, 1855–1869 / Н. Н. Гусев. – М. : Академия наук СССР, 1957. – 917 с.
 Кранихфельд, В. П. В мире идей и образов : в 3 т. Т. 1 / В. П. Кранихфельд. – СПб. : Типо-литогр. Акц. О-ва «Самообразование», 1911. – 304 с.
 Маслин, М. А. А. И. Герцен и русская философия / М. А. Маслин // Философия и общество. – 2012. – № 2 (66). – С. 159–177.
 Мендельсон, М. Герцен – Прудон – Толстой / М. Мендельсон // Литературное наследство. Т. 15. – М. : Акад. наук, 1934. – С. 282–286.
 Розанова, С. А. Толстой и Герцен / С. А. Розанова. – М. : Худож. лит., 1972. – 303 с.
 Русанов, А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом / А. Г. Русанов. – Воронеж : Ворон. обл. кн-во, 1937. – 190 с.
 Сергеенко, П. А. Толстой и его современники: Очерки: Герцен, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Чехов, Брайан, И. Кронштадский, Толстой и дети / П. А. Сергеенко. – М. : В. М. Саблин, 1911. – 283 с.
 Сливицкая, О. В. Л. Толстой и А. Герцен в противостоянии resentimentу / О. В. Сливицкая // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. – 2007. – Т. 1. – С. 570–623.
 Толстой, С. Л. Очерки былого / С. Л. Толстой. – Тула : Приокское книжное издательство, 1975. – 472 с.

- Христенко, Д. Н. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе / Д. Н. Христенко, Ю. В. Красовская // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 4 (29). – С. 200–204.
- Цирулев, А. Ф. О своеобразии «исторического» автобиографизма А. И. Герцена и принципах толстовского автобиографизма / А. Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3–3 (45). – С. 192–194.
- Moss, Walter G. *Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky* / Walter G. Moss. – London : Anthem press Publ., 2002. – 295 p.
- Steiner, L. Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace" / L. Steiner // *Russian History*. – 2009. – Vol. 36, No. 3. – P. 424–442.

REFERENCES

- Andreeva, V. G. (2023). «Liubeznyi drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina ["Dear Friend... don't be Angry for Frankness!": Correspondence Between L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin]. In *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 5. No 1, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>.
- Ardens, N. N. (1928). *Lev Tolstoy i ego sputniki* [Leo Tolstoy and His Companions]. Moscow, Komissiya po oznamenuvaniyu stoletiya so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo. 259 p.
- Gusev, N. N. (1941). Gertsen i Tolstoy [Herzen and Tolstoy]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 41–42. Moscow, Akademiya nauk, pp. 490–525.
- Gusev, N. N. (1957). *Lev Nikolaevich Tolstoy, 1855–1869* [Lev Nikolaevich Tolstoy, 1855–1869]. Moscow, Akademiya nauk SSSR. 917 p.
- Khristenko, D. N., Krasovskaya, Yu. V. (2019). Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy zdruvookhraneniya na sele [Collectivization and the Formation of the Health Care System in the Countryside]. In *Samarskii nauchnyi vestnik*. Vol. 8. No. 4 (29), pp. 200–204.
- Kranichfeld, V. P. (1911). *V mire idei i obrazov: v 3 t.* [In the World of Ideas and Images, in 3 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipo-litografiya aktsionernogo obshchestva «Samoobrazovanie». 304 p.
- Maslin, M. A. (2012). A. I. Gercen i russkaya filosofiya [A. I. Herzen and Russian Philosophy]. In *Filosofiya i obshchestvo*. No. 2 (66). 2012, pp. 159–177.
- Mendelsson M. (1934). Gertsen – Prudon – Tolstoy [Herzen – Proudhon – Tolstoy]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 15. Moscow, Akademiya nauk, pp. 282–286.
- Moss, Walter G. (2002). *Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky*. London, Anthem press Publ. 295 p.
- Rozanova, S. A. (1972). *Tolstoy i Gertsen* [Tolstoy and Herzen]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 303 p.
- Rusanov, A. G. (1937). *Vospominaniya o L'Ve Nikolaeviche Tolstom* [Memories of Leo N. Tolstoy]. Voronezh, Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. 190 p.
- Sergeenko, P. A. (1911). *Tolstoy i ego sovremenniki: Ocherki: Gertsen, Nekrasov, Dostoevskii, Turgenev, Leskov, Chekhov, Braian, I. Kronshtadskii, Tolstoy i deti* [Tolstoy and His Contemporaries: Essays: Herzen, Nekrasov, Dostoevsky, Turgenev, Leskov, Chekhov, Brian, I. Kronshtadsky, Tolstoy and the Children]. Moscow, V. M. Sablin. 283 p.
- Slivitskaya, O. V. (2007). Tolstoy i A. Gertsen v protivostoyanii resentimentu [L. Tolstoy and A. Herzen in Opposition to Ressentiment]. In *Trudy ob'edinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniya*. Vol. 1, pp. 570–623.
- Steiner, L. (2009). Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace". In *Russian History*. Vol. 36. No. 3, pp. 424–442.
- Tolstoy, S. L. (1975). *Ocherki bylogo* [Essays of the Past]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. 472 p.
- Tsirulev, A. F. (2015). O svoeobrazii «istoricheskogo» avtobiografizma A. I. Gertsena i printsipakh tolstovskogo avtobiografizma [On the Originality of A. I. Herzen's "historical" Autobiography and the Principles of Tolstoy's Autobiography]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3–3 (45), pp. 192–194.
- Vetrinsky Ch. (1908). *Gertsen* [Herzen]. Saint Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud». 532 p.

Данные об авторе

Геронимус Евгения Михайловна – младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25 а.

E-mail: geronimus1999@mail.ru.

Author's information

Geronimus Evgeniya Michailovna – Junior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 19.04.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 19.04.2023; date of publication: 30.06.2023